

Е. В. Титова

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОРИЕНТАЦИОННАЯ ОСНОВА ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

E. V. Titova

CONSTITUTIONAL VALUES AS THE ORIENTATION BASIS LAWFUL CONDUCT OF SUBJECTS OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RELATIONS

В статье рассматривается влияние конституционных ценностей на выбор модели поведения субъектов правовых отношений. Обосновывается вывод о том, что иерархия в системе конституционных ценностей носит относительный характер. Отмечается, что конституционные ценности становятся таковыми в результате длительного периода исторического развития, сопровождающегося имплицитной «кристаллизацией» и признанием в качестве ценности того или иного феномена социально-правовой реальности. Степень усвоения указанных феноменов в качестве конституционных ценностей, т. е. конституционное правопонимание, выражается в том числе в формировании у индивидов и их общностей активной гражданской позиции, внутренней солидарности с теми или иными юридическими нормами, желания их добровольно соблюдать, исполнять, использовать или применять.

Ключевые слова: конституционные ценности, субъекты конституционно-правовых отношений, правомерное поведение, конституционная аксиология, конституционализм.

The article examines the impact of the constitutional values in the range of behaviors of subjects of legal relations. The conclusion is that the hierarchy in the system of constitutional values is relative. It is noted that constitutional values are established as a result of a long period of historical development, accompanied by implicit "crystallization" and as a recognition of the value of a phenomenon of social and legal reality. The degree of assimilation of these phenomena as constitutional values, ie, constitutional legal thinking is expressed, including, in shaping individuals and their communities active citizenship, internal solidarity with those or other legal norms, their desire to voluntarily observe, perform, use or apply.

Keywords: constitutional values, the subjects of the constitutional-legal relations, good behavior, the constitutional axiology, constitutionalism.

Осознание значимости конституционных ценностей для России, являющейся по существу «страной-идеей, страной-цивилизацией» [5, с. 29], позволяет признать их приоритетный, жизненно важный характер в первую очередь для конституционно-правового измерения государственно-правовой действительности. В основе этого тезиса лежит глубинное понимание Конституции РФ, содержащей, по образному выражению Н. С. Бондаря, своего рода генетический (социокультурный) код многонациональ-

ного народа России, который должен определять конституционные параметры существующего уровня общества и государства и обозначать нормативно-правовые ориентиры их дальнейшего развития; при этом юридическим выражением такого кода служат прежде всего конституционные ценности [1, с. 23].

На наш взгляд, следует согласиться с С. П. Мавриным в том, что в наиболее широком смысле категория «ценность» обозначает нечто желаемое, достойное уважения либо обладающее, в большей

или меньшей степени значимостью или полезностью. В таком понимании ценностная природа, будучи воплощенной в виде как материального, так и нематериального объекта, вызывает положительное отношение к себе субъекта общественных отношений. В зависимости от формы внешнего выражения ценность, таким образом, может быть представлена в образе конкретного блага, обладающего для субъекта социальных отношений особой значимостью, важностью или полезностью, что служит основанием для формирования его предпочтительного отношения к ней [9, с. 2] и, как следствие, во многом определяет вектор его поведения.

Фундаментальное значение ценностей в контексте выбора субъектом той или иной модели поведения подчеркивает В. Н. Жуков. Он замечает, что ценности, избранные личностью в качестве базовых, с одной стороны, предопределяют выбор соответствующих целей и открывают смысл этих целей; с другой стороны, деятельность по достижению целей постоянно сообщает индивиду «импульсы для проверки избранных ценностей на прочность». Зависимость целей от системы ценностей, по мнению ученого, явным образом проявляется в политико-правовой сфере. Так, если в социуме преобладают убеждения, основанные на понимании личности как ценности, требующей защиты со стороны закона, его целью становится построение правового государства. Иная ситуация складывается в обществе, с точки зрения культуры и традиций которого личность является лишь структурным элементом, «строительным материалом» для государства, поскольку такой народ (осознанно либо неосознанно) нацелен на установление деспотии [15, с. 325].

В наиболее общей форме выбор модели поведения с учетом ориентирующего значения тех или иных ценностей предопределяется Конституцией Российской Федерации. При этом можно утверждать, что основа иерархии конституционных ценностей заложена в ст. 2 Основного Закона, устанавливающей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита указанных прав и свобод — обязанностью государства. В связи с этим Д. Г. Шустров подмечает, что провозглашение высшего логически подразумевает наличие нижестоящего, что, в свою очередь, означает наличие иерархически организованной системы. Наличие высшей ценности предполагает существование

иных ценностей, также являющихся конституционными, но не характеризующимися прямым указанием на это Конституции РФ и расположенными в аксиологической иерархии на более низком уровне [17, с. 7—8]. Таким образом, Конституция РФ в ст. 2 устанавливает формальное основание применения аксиологического подхода в конституционном праве, а также базис системы конституционных ценностей, определяющий их значимость как ориентационной основы поведения субъектов конституционно-правовых отношений. Однако отметим, что иерархия в системе конституционных ценностей не может быть абсолютной. Это обусловлено тем, что место той или иной из них невозможно заранее и однозначным образом предопределить ни посредством нормативного (декларативного) закрепления в качестве ценности более высокого порядка по отношению к иным ценностям, ни доктринальным толкованием конституционных норм, закрепляющих ценности общества и государства. Такая иерархия зависит «от результата процесса нахождения баланса между частным и публичным интересом в случае, если такой баланс в принципе возможен, либо от результата выбора (предпочтения), либо частного, либо публичного интереса» [13, с. 9].

Между тем логика конституционного развития предполагает, что в наиболее общих чертах иерархия в системе конституционных ценностей должна быть осязаемой, так как в ином случае эта система не в состоянии будет выполнять свою функцию по обеспечению выбора должной (желаемой) модели поведения субъектов конституционно-правовых отношений. В связи с этим, по нашему мнению, заслуживает внимания подход к конструированию системы ценностей, сформулированный известным исследователем в области аксиологии Н. Гартманом. Он замечал, что невозможно составить какое-либо представление о взаимном отношении ценностей, не исходя из предпосылки о наличии их иерархии, однако наличие такой предпосылки само по себе еще не доказывает ее справедливость и не разъясняет ее смысл. Поэтому, по мнению ученого, намерение определить иерархию ценностей до их исследования изначально является неверным: ее выявление — насколько оно вообще возможно — может быть осуществлено лишь посредством точного ценностного анализа, понимания их взаимосвязей, без которого познание ценностей остается абстрактным. «Ведь любой ситуа-

ции, — пишет Н. Гартман, — ...присущи одновременно разные ценности, и перед человеком, попавшим в данную ситуацию, стоит задача организовать свое поведение исходя из осознания ситуации, которое взвешивает ценности друг относительно друга». Таким образом, ценностное чувство может служить ориентиром для выбора модели поведения лишь в тех случаях, когда оно одновременно является чувством иерархии, предполагающим наличие не только осознания самой ценности, но и ее высоты в соответствующей системе [3, с. 291—292].

Указанное «чувство иерархии», на наш взгляд, не является тождественным морально-нравственным императивам, абсолютизации которых была свойственна кантианству. Разницу между ними удачно подчеркивает В. Н. Жуков, замечая, что «ценности, взятые в формальном смысле, вполне могут быть общепризнанными, но при этом в материальном отношении способны рождать конфликт»: так, например, религия является общепризнанной ценностью, которая, однако, фактически носит не объединяющий, а разобщающий характер. Это же утверждение, по мнению ученого, справедливо и в отношении других общепризнанных ценностей — собственность, территория государства, патриотизм и пр., не сближающих, а, напротив, разъединяющих народы. К немногим объективно объединяющим ценностям, с точки зрения В. Н. Жукова, могут быть отнесены жизнь, здоровье, безопасность, порядок (внутригосударственный и международный); при этом иные общепризнанные ценности — право, государство, мораль и т. п. — признаются обществом лишь в той степени, в какой они обеспечивают перечисленные объединяющие ценности. В целом же, как констатирует ученый, несмотря на все богатство идей, высказанных приверженцами того или иного течения в науке, проблема общезначимых ценностей далека от своего окончательного разрешения — если она вообще может быть разрешена [15, с. 317—318].

Это позволяет утверждать, что исследование проблематики ориентирующего воздействия ценностей на правомерное поведение субъектов конституционно-правовых отношений не может ограничиваться исключительно использованием категорий конституционного права и должно заключаться в исследовании как минимум нескольких аспектов аксиологии.

К ним следует, *во-первых*, отнести *философское и социологическое* понимание ценностей, оказывающее безусловное

влияние на формирование ценностей в праве. При этом необходимо согласиться с тем, что любые оценки субъективны уже в силу множественности потребностей и намерений индивидов, а также многофакторности конкретных событий и значительной свободы воли субъектов общественных отношений, что существенно разнообразит оценочные суждения. Основу ценностных суждений неизбежно образуют ценности жизни, культуры, духовные ценности, которые в каждом случае испытывают воздействие индивидуальных воззрений, приобретенных в процессе участия в общественных отношениях, накопления жизненного опыта. При этом в оценках заложена и составляющая, обусловленная влиянием объективных закономерностей, отражающая их реальное значение для человека, народа, государства.

В юридической литературе высказывается точка зрения, согласно которой эффективность ценностного подхода сопряжена и во многом обусловлена выявлением так называемых антиценностей и неконституционных ценностей. Так, по мнению В. И. Крусса, в рамках конституционной аксиологии определение чего-либо не только в качестве антиценности, но и в качестве неконституционной ценности имеет важное практическое значение, обуславливая необходимость соответствующего конституционного реагирования (противодействия) в связи с подобным ценностным выбором. Именно стремление к неконституционным ценностям часто приводит к злоупотреблениям правом как инвариантам неконституционного правопользования. При этом, с позиции ученого, только антиконституционные ценности могут быть исчерпывающим образом охарактеризованы («зеркально» обозначены и содержательно определены) и в последующем исключены из сферы конституционного правопорядка. Соответственно, именно на пути к антиконституционным ценностям должны находиться юридические запреты, а антиконституционная направленность указанных ценностей должна быть модельно гипостазирована в конструкциях составов преступлений и отдельных правонарушений, характеризуя их субъективную сторону [7, с. 185].

Во-вторых, исследование должно включать изучение *правовых* ценностей, в свою очередь воздействующих на социальные аксиологические установки субъектов общественных отношений и вызывающих их трансформацию. Это обусловлено тем, что право, определяя

ту или иную модель поведения как общественно полезную или, напротив, социально опасную, не может не формировать к себе определенного отношения. В ситуациях, когда оценка права является положительной, субъект осознает его как самостоятельную ценность, стремясь соблюдать и исполнять его требования. Противоположный эффект возникает в случаях, когда лицо убеждено в бесполезности права, определяя свое поведение иными ориентирами. В данном случае подразумевается желаемая трансформация правового установления в правосознание, которое в дальнейшем определяет характер действий того или иного субъекта. Жизнеспособность правовых норм и содержащихся в них аксиологических установок находится в зависимости от их социальной востребованности, осознания полезности и правильности с точки зрения конкретного общества и определенного этапа исторического развития.

Наконец, необходимо исследование ориентирующего воздействия собственно конституционно-правовых ценностей, обладающих спецификой, сообщаемой им предметом, методом конституционного права, а также функцией, выполняемой им в системе российского права.

Таким образом, можно констатировать, что конституционные ценности как ориентационная основа правомерного поведения субъектов конституционно-правовых отношений не могут исследоваться в изоляции от философского, социологического и психологического аспектов аксиологии в целом. Такой методологический подход представлялся бы в принципе неверным, поскольку, как следует из сказанного выше, для того, чтобы конституционные ценности оказывали желаемое воздействие на поведение участников общественных отношений, общепризнанная система ценностей и принципы ее формирования должны в целом совпадать с аксиологическими установками субъектов права, формируемыми на основании как результатов исследования социальной практики развития, так и на основе индивидуального жизненного опыта.

Этот тезис согласуется с мнением Н. С. Бондаря, который замечает, что конституционные ценности как ценности высшего порядка представляют собой социальные ценности, осознанные обществом через призму общедемократического опыта и практики собственного исторического развития и выражающие идеи достоинства, справедливости, фун-

даментальных целей развития, наиболее целесообразных форм устройства государства и общества. Их закрепление в Конституции РФ с последующей трансформацией в конституционные принципы направлено на усвоение субъектами правовых отношений, в результате которого эти аксиологические установки встраиваются в их конституционное правосознание и становятся неотъемлемой частью психологии. Только при этом условии они способны обеспечить эффективное воздействие на потребности, интересы, цели человека, тем самым способствуя выбору участниками конституционно-правовых отношений конституционно обоснованной модели поведения [2, с. 170—171].

Однако отметим, что установление той или иной системы категорий в качестве «универсальных» конституционных ценностей не решает проблему обеспечения конституционного правомерного поведения по ряду причин. Прежде всего, это обусловлено эволюцией восприятия той или иной категории в качестве ценности на протяжении всего периода конституционного развития. В силу постоянного цивилизационного развития мирового сообщества содержание и сущность, значимость и взаимосвязь таких универсальных конституционных категорий, как «демократия», «правовое и социальное государство», «гарантированность прав и свобод человека», «разделение властей», а также ряда иных категорий конституционализма, присущих большинству современных конституций, в современных условиях наполняются новым содержанием.

Кроме того, демократические конституционные принципы, отражающие результат развития западной цивилизации, могут оказаться недостаточно актуальными для процесса правового регулирования в обществах с системами иных традиционных ценностей. Результатом становится отторжение той или иной правовой культурой чужеродных ей элементов. Элементы иной культуры подвергаются интерпретации с последующим их освоением собственными ментальными средствами либо последующей дискредитацией, вытеснением и заменой более привычными элементами. Это связано с тем, что правовой опыт нуждается в восприятии «не только через правовые нормы и институты, но и через правовую мысль, атмосферу и дух правопорядка» [14, с. 28]. Поэтому институционализация российской государственности должна сопровождаться «кристаллизацией» тех ценностей, которые лежат в основе

конституционного развития государства и общества, выявлением и усвоением субъектами правовых отношений их содержания применительно к национальному правовому контексту.

Представляется логичным утверждать, что наилучший результат, обеспечивающий ценностно-ориентированный выбор субъектами правовых отношений модели конституционного правомерного поведения, достигается в тех случаях, когда нормативную фиксацию получают ценности, закрепившиеся в самосознании социума в процессе исторического развития в качестве традиционных. Они, как правило, отражаются в национальной культуре общества в виде представлений о справедливости, равенстве, государственности и других социально-правовых феноменах. В том случае, когда такая основа достаточно устойчива, она обеспечивает относительно стабильное развитие общества даже в переходный период, минимизируя и нивелируя негативные последствия проводимых конституционных преобразований. При этом новые конституционные ценности — в частности, получающие нормативное выражение либо детализацию в силу процесса глобализации — либо органично встраиваются в систему традиционных ценностей, либо отвергаются, что свидетельствует о наличии проблемы их адаптации и ассимиляции, несмотря на универсальный характер [10, с. 36—37].

Можно утверждать, что ценностная основа правового регулирования явно или имплицитно присутствует в нормах права, в значительной мере определяя их содержание, а следовательно, и вектор, и меру поведения субъектов правовых отношений. Эволюционный характер закрепления такого содержания удачно подчеркивает Р. Давид, замечая, что, несмотря на то, что правовые нормы «могут меняться от росчерка пера законодателя», они содержат множество элементов, не поддающихся произвольным изменениям. Это обусловлено тем, что они «теснейшим образом связаны с нашей цивилизацией и нашим образом мыслей. Законодатель не может воздействовать на эти элементы, точно так же как на наш язык или нашу манеру размышлять» [4, с. 39]. Однако невозможность выделения идей и принципов, образующих аксиологическую композицию Основного Закона, в качестве исчерпывающего перечня, детализации их глубинного содержания обуславливает значительную сложность модели конституционного правомерно-

го поведения субъектами общественных отношений. Об этом, в частности, свидетельствует наличие разных доктринальных подходов к определению системы конституционных ценностей.

В настоящее время в юридической доктрине предложено несколько характеристик указанной системы. Так, В. А. Лебедев и В. В. Киреев полагают, что основные ценности конституционализма как философии конституционного мировоззрения, основанного на идее правового государства, конституционного выражения системы социальных ценностей и обеспечения их верховенства, приоритетности и реальности правления на основе конституции, формулируются и получают юридическую фиксацию в качестве принципов, основ конституционного строя [8, с. 9—11].

Между тем, несмотря на наличие достаточно детализированных подходов, претендующих на комплексную характеристику системы конституционных ценностей, ни один из них не включает в себе гарантии выбора субъектом правовых отношений модели конституционного правомерного поведения. По нашему мнению, можно говорить лишь о том, что определение системы конституционных ценностей является предпосылкой (но не более) для совершения действий, направленность которых соответствует вектору конституционности. Это во многом обусловлено высокой степенью абстрактности и универсальности нормативного выражения характеристик конституционных ценностей, требующих дополнительной детализации применительно к конкретным правовым ситуациям, в которых как раз и осуществляется каждодневный выбор модели поведения.

Созвучная точка зрения высказана Е. А. Поповым, который обоснованно констатирует, что преамбула к Конституции РФ 1993 г. включает в себе наиболее важные для социума ценностно-смысловые комплексы, образующие основу построения конституционной модели государства и общества. Преамбула, таким образом, придает конституционной риторике общую смысловую патетическую тональность, однако при этом «в полной мере не исчерпывает и, по-видимому, не может исчерпать дополнительных коннотаций, придающих каждый раз новый ракурс в оценках конституционного целого» [12, с. 5].

Соглашаясь с этим утверждением, обратимся для его иллюстрации к статье 1 Конституции РФ, устанавливающей, что Россия есть демократическое правовое

федеративное государство с республиканской формой правления. Это положение позволяет констатировать, что наиболее общими основополагающими идентифицирующими признаками современного российского государства, которые, соответственно, должны признаваться важнейшими конституционными ценностями, являются демократия, федерализм и подчинение деятельности государства праву. В связи с этим логично утверждать, что аксиологический потенциал каждого из перечисленных феноменов должен оказывать ориентирующее воздействие на выбор субъектами правовых отношений модели поведения, отвечающей критерию конституционности. Между тем данное утверждение далеко не всегда реализуется в социально-правовой практике, поскольку само по себе декларирование перечисленных признаков государства (и даже формальное придание им «статуса» конституционных ценностей) не побуждает субъектов правовых отношений действовать определенным образом. Это, по нашему мнению, может происходить по нескольким причинам.

Во-первых, субъект правовых отношений зачастую не соотносит себя с системой координат, в которой располагается та или иная конституционная ценность. Как следствие, эта ценность не обладает возможностью ориентирующего воздействия на поведение данного субъекта, поскольку не является для него критерием оценки правильности (правомерности) действий в конкретной правовой ситуации. Во-вторых, конституционная ценность может не оказывать желаемого регулятивного воздействия на поведение субъекта правовых отношений вследствие недостаточной определенности в понимании сущности самой этой ценности. Так, например, понятие демократии (и, соответственно, демократического государства) на протяжении многих веков трактуется неоднозначным образом, получая как позитивные, так и негативные оценки специалистов в области права, политологии и социологии. До настоящего времени, консенсус по наиболее фундаментальным вопросам, относящимся к сущности этого явления, так и не достигнут. Это, по мнению В. Е. Чурова и Б. С. Эбзеева, обусловлено тем, что демократия представлена в Конституции РФ не в качестве завершенной модели, а лишь как базис для установления основ и структуры демократического строя, регулирования его функциональных параметров. Ученые замечают, что Основной Закон не содержит другого понятия, сущ-

ность которого была бы так же мало раскрыта и которое подвергалось бы столь различным интерпретациям. Между тем именно оно занимает доминирующее положение во всей системе принципов, составляющих основы конституционного строя России, и фактически обладает универсальным характером, поскольку в большей или меньшей степени охватывает своим содержанием все иные принципы и присутствует в каждом положении Конституции [16, с. 16]. Сложность проблемы усугубляется тем, что общество, обладающее крайней неоднородностью и существующее в условиях кардинальных противоречий интересов составляющих его субъектов, не может выразить свою волю так, как это сделал бы индивидуальный участник правовых отношений. В связи с этим ему необходимы гарантии, объединяющих большинство и меньшинство в рамках демократических процедур. По мнению одних авторов, к указанным гарантиям может быть отнесено признание всеми членами социума правовых, политических и нравственных ценностей демократии [11, с. 42]. С точки зрения других ученых, эти гарантии, будучи лишены достаточного структурного и институционального подкрепления и располагаясь в подвижной духовной сфере, не слишком надежны [6, с. 276]. Перечисленные обстоятельства позволяют констатировать, что принцип демократии, несмотря на его значительный аксиологический потенциал, далеко не всегда способен оказывать ориентирующее воздействие на поведение субъектов правовых отношений именно по причине своей универсальности и многозначности.

В-третьих, субъект правовых отношений в ряде случаев не осознает наличия и/или характера взаимосвязей конкретной конституционной ценности с иными ценностями, образующими целостную систему. Так, В. Н. Жуков замечает, что такие ценности, как справедливость, равенство и свобода, приобретают юридический характер только в контексте государства и права, а следовательно, говорить о юридическом характере указанных ценностей вне этих институтов бессмысленно [15, с. 325]. Кроме того, сложность взаимосвязей, существующих между элементами системы ценностей, усугубляет проблему выбора субъектом той или иной ценности в конкретной юридической ситуации. Ведь в жизненном контексте, как справедливо отмечал Н. Гартман, отсутствует присущая драматическому искусству «направляющая рука мастера, которая незаметно выдвигает важное

на первый план, так что его становится заметно и невооруженным глазом», и, таким образом, у субъекта нет возможности уловить ценностное содержание ситуации интуитивно, без осознания особой сложной ценностной структуры [3, с. 291—292].

В-четвертых, как уже отмечалось выше, конституционная ценность, несмотря на ее общепризнанный характер (например, жизнь, здоровье и т. д.), может не рассматриваться субъектом правовых отношений в качестве ценности: напротив, в его «системе координат» ориентирующее значение для выбора модели поведения могут представлять феномены, имеющие контрценный характер.

Наконец, осознавая формальную ценность того или иного феномена, участник юридических отношений может не руководствоваться им в силу фактического несоответствия идеальной и реальной моделей его реализации. Такая «эрозия» конституционных ценностей может приводить к возникновению значительного разрыва между реальным и официальным позитивным правом.

На наш взгляд, можно выделить и иные причины, препятствующие полноценному ориентирующему воздействию конституционных ценностей на выбор субъектами

правовых отношений вектора поведения.

Таким образом, следует констатировать, что конституционные ценности не возникают исключительно в силу их закрепления в конституционном тексте: их нормативной фиксации предшествует длительный период исторического развития, сопровождающийся имплицитной «кристаллизацией» и признанием в качестве ценности того или иного феномена социально-правовой реальности. При этом оценке через «призму» аксиологии подлежат все феномены, участвующие в формировании социально-правовой действительности (законность, субъективные права, юридические обязанности, правосудие, государственная власть и множество других). Одновременно степень усвоения указанных феноменов в качестве конституционных ценностей (представляющего собой, по сути, конституционное правопонимание) определяет психологический аспект поведения, выражающийся, в том числе, в формировании у индивидов и их общностей активной гражданской позиции, внутренней солидарности с теми или иными юридическими нормами, желания их добровольно соблюдать, исполнять, использовать или применять.

Литература

1. Бондарь, Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. — М.: Юрист, 2013.
2. Бондарь, Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2011.
3. Гартман, Н. Этика / пер. с нем. А. Б. Глаголева; под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Складнева. — СПб.: Фонд ун-т: Владимир Даль, 2002.
4. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. — М., 1988.
5. Джагарян, А. А. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии / А. А. Джагарян, Н. В. Джагарян // Юридический мир. — 2014. — № 2.
6. Керимов, Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д. А. Керимов. — М.: Аванта+, 2000.
7. Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования / В. И. Крусс. — М.: Норма, 2007.
8. Лебедев, В. А. Суверенная демократия как конституционная идея современной России / В. А. Лебедев, В. В. Киреев. — Челябинск, 2007.
9. Маврин, С. П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе / С. П. Маврин // Журнал конституционного правосудия. — 2012. — № 3.
10. Малько, М. П. Предмет конституционной аксиологии / М. П. Малько // Вестник Челябинского государственного университета. Право. — Вып. 24. — 2010. — № 19 (200).
11. Нудненко, Л. А. Теория демократии / Л. А. Нудненко. — М.: Юрист, 2001.
12. Попов, Е. А. Социокультурная семантика российского конституционализма / Е. А. Попов // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 7.
13. Ройзман, Г. Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Г. Б. Ройзман. — Челябинск, 2012.
14. Сокольская, Л. В. Механизм правовой аккультурации / Л. В. Сокольская // Журнал российского права. — 2015. — № 2.
15. Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. / С. Н. Бабурин, А. Г. Бережнов, Е. А. Воротилин [и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко (автор лекции — В. Н. Жуков) — Т. 1. — М.: Проспект, 2013.

16. Чуров, В. Е. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель / В. Е. Чуров, Б. С. Эбзеев // Журнал российского права. — 2011. — № 11.

17. Шустров Д.Г. Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 6.

ТИТОВА Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76. E-mail: titova_elena@bk.ru

TITOVA Elena Victorovna, PhD, Associate Professor, Acting Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University). 454080, Chelyabinsk, pr. V. I. Lenin, 76. E-mail: titova_elena@bk.ru

For citation: **E. V. Titova**. Constitutional values as the orientation basis lawful conduct of subjects of constitutional and legal relations

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 5(53).2015. pp. 24–31.

